

Мира Ле

Вторая
жизнь
начинается
сейчас

В ТОТ ДЕНЬ Я УМЕРЛА

ОНА ЗНАЛА, ЧЕМ ВСЁ ЗАКОНЧИТСЯ.
НО РЕШИЛА НАПИСАТЬ
ДРУГУЮ ИСТОРИЮ.

СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КНИЖКА

Мира Ле

В тот день я умерла

«Автор»

2026

Ле М.

В тот день я умерла / М. Ле — «Автор», 2026

Я умираю и слышала, как муж и дочь делят мою комнату. Тридцать лет я была удобной: терпела, прощала, отдавала последнее. А потом открыла глаза в 1996 году. Снова молодая. Снова в портовом Заливе. Снова перед мужчиной, который однажды разрушит мою жизнь. Только теперь я знаю будущее. Свадьбы не будет. Денег предателям не будет. Прощения тоже. Я построю бизнес с нуля, войду в опасные игры лихих девяностых и заставлю тех, кто считал меня слабой, пожалеть. А рядом окажется Андрей Корнев — самый влиятельный человек города. Холодный, опасный, слишком проницательный. Он быстро поймёт: я знаю больше, чем должна. И теперь у него на меня свои планы. В книге есть: Попаданка в собственную молодость. Второй шанс и месть предателям. Лихие 90-е, порт и опасные сделки. Сильная героиня. Властный мужчина. Бывший, который очень пожалеет. ХЭ. Однотомник. **ДОБАВЛЯЙТЕ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И НЕ ЗАБЫВАЙТЕ НАГРАЖДАТЬ ЗВЁЗДОЧКАМИ!**

© Ле М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Смерть в рассрочку	5
Глава 2. Запах антоновки	7
Глава 3. Счёт на миллион	8
Глава 4.	10
Глава 5. Семейные узы	12
Глава 6. Пыль и стратегия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мира Ле

В тот день я умерла

Глава 1. Смерть в рассрочку

Желтое пятно на больничном потолке — мой последний горизонт. Тридцать лет я смотрела в этот «потолок», даже когда была совершенно здорова. Тусклое, неподвижное, безнадежное — вот и вся моя жизнь, если коротко.

Запах хлорки забивает ноздри, сражаясь с ароматом пережаренной рыбы из столовой. Тело кажется чужим, неповоротливым мешком, из которого по капле утекает тепло. Странно, я всегда думала, что смерть — это нечто торжественное. Оказалось, это просто очень скучно и невыносимо одиноко.

— Пап, ну хватит хмуриться. — Голос Алины из коридора режет по ушам. — Врач сказал — это вопрос часа. Зато представляешь, какой груз с плеч? Наконец-то заживем как люди. Тетя Нина уже и обои в твоей комнате присмотрела, светлые, а то здесь всё маминым унынием пропиталось.

«Как люди». В их понимании это означало — без меня. Я была фундаментом, на котором они тридцать лет строили своё благополучие. И теперь, когда фундамент треснул, они просто торопились переехать в дом поновее. Без «унылой» матери. Без женщины, которая отдала им всё: от здоровья до последней копейки.

Я попыталась сжать кулаки, но пальцы не слушались. В горле стоял ком из невысказанных обид. Я была «Святой Мариной», мученицей портового Залива. Терпела измены Виктора, кормила его «бедную» подругу Нину, оправдывала холодность дочери. Зачем? Чтобы сейчас слушать про розовые обои?

— Наконец-то эта старуха сдохнет, — густой бас Виктора провибрировал сквозь стену. — Сил моих больше нет. Весь дом пропитался её лекарствами. Ниночка даже заходить брезгует. Алина, ты трубку-то кислородную поправь, если что Врач свой, спишет на естественные причины.

Я закрыла глаза. Гнев вспыхнул на мгновение и тут же погас, сменившись ледяным равнодушием. Если это конец, то пусть он будет быстрым. Я не хочу больше бороться. Я просто хочу, чтобы этот писк монитора прекратился.

Мир схлопнулся в черную точку. Тишина.

Вспышка. Вместо тишины небытия — оглушительный рев чаек. Вместо хлорки — резкий, почти забытый коктейль из солярки, гнилой рыбы и соленого ветра. Легкие обожгло так, будто в них влили кипятка.

Я подпрыгнула на месте, едва не сбив мужчину в засаленной тельняшке. Солнце Залива слепило, отражаясь от ржавых кранов порта.

Я стояла, ошалело глядя на свои руки. Гладкая кожа. Никаких следов от капельниц. Никакой боли в суставах. В руке — тающее мороженое, липкий пломбир стекал на пальцы.

1996 год. Набережная.

Это что, предсмертный бред? Галлюцинация?

— Маринка, ты чего зависла? Мороженое сейчас на туфли капнет! — Виктор стоял напротив. Тот самый. Молодой, с наглым взглядом, в своей кожанке «под Турцию». — Я говорю, деньги на свадьбу... ну, они нужнее Ниночке. Её Коля ведь за меня под кран лез, я не могу её бросить. Ты же у меня золото. Поймешь.

Звук его голоса ударил по нервам. Тот же тембр, те же интонации, что и минуту назад в больнице. Только здесь он не называл меня «старухой». Здесь я была «золотом». Ресурсом, который можно было доить еще тридцать лет.

Кошмар из больницы — розовые обои, Алина, моя смерть — стоял перед глазами так четко, что меня затрясло. Это был не бред. Это было предупреждение.

— Золото, говоришь? — Я медленно вытерла липкий палец о его чистый кожаный воротник. — Знаешь, Виктор, золото — металл твердый. И очень дорогой. Тебе он больше не по карману.

Мороженое с размаху впечаталось ему прямо в лицо. Белый пломбир потек по его «дизайнерской» куртке, а вафельный рожок забавно застрял в складках шарфа.

— Свадьбы не будет, — голос прозвучал на удивление звонко. — Деньги я заберу завтра. А ты... ты можешь катиться к своей Ниночке. Прямо сейчас. Пока пломбир не растаял.

Я развернулась на каблуках. Морской ветер наполнял мои молодые, здоровые легкие. Я не знала, как я здесь оказалась, но одно знала точно: я больше никогда не буду «хорошей девочкой».

И обои на этот раз выберу сама.

Глава 2. Запах антоновки

Дорога до родительского дома пролетела как в тумане. Ноги сами несли по знакомым улочкам, мимо покосившихся заборов и палисадников, заросших шиповником. В том «кошмаре» этот дом давно продали за долги Виктора, а на его месте выросла безликая бетонная коробка.

Я остановилась у калитки, жадно вдыхая воздух. Пахло мокрым деревом и антоновкой — ароматом детства, который я безуспешно пыталась поймать в стерильной больничной палате.

На крыльцо вышел отец. Он был в своей вечной рабочей куртке, с живыми, еще не потухшими от болезни глазами. В памяти мгновенно всплыла другая картинка: желтые, как пергамент, руки на белой простыне и тихий хрип вместо голоса. Мой папа из сна умирал долго и мучительно, а я... я в это время везла Ниночке лекарства, которые купила на его последние деньги.

Горло перехватило. Я бросилась к нему, вцепившись в жесткую ткань куртки.

— Пап... ты здесь. Ты правда здесь.

— Маринка? — Он опешил, неуклюже похлопывая меня по спине. — Ты чего, дочка? Случилось чего? Витька обидел?

Из дома вышла мама, вытирая руки о фартук. Она выглядела такой крепкой и молодой, что мне захотелось закричать. В «том сне» она угасла через полгода после смерти отца, просто перестав есть и говорить.

— Живые... — прошептала я, утыкаясь маме в плечо, пахнущее мукой и ванилью. — Вы живые.

— Господи, да что с тобой? — Мама встревоженно заглянула мне в лицо. — Глаза как у привидения. Проходи в дом, чайник только закипел.

Мы сидели на кухне, и я не могла наглядеться на них. Каждый стук ложки о чашку, каждое ворчание отца по поводу сломанного карбюратора были на вес золота. Моя «вторая жизнь» началась не на набережной. Она началась здесь, в этой тесной кухне. И я костыми лягу, чтобы этот дом никогда не пах лекарствами и безнадеей.

Идиллию нарушил резкий стук в калитку. Виктор.

Я вышла на крыльцо. Он стоял у забора, размахивая руками. На щеке еще алело пятно от вчерашнего мороженого, но спесь никуда не делась.

— Марина! Выходи! — орал он на всю улицу. — Ты что вчера устроила? Мать Ниночки в обмороке, у меня куртка испорчена! Отдавай деньги на свадьбу, я сам всё решу. Ты явно переутомила на работе, бредишь...

Я медленно спустилась по ступеням. Отец вышел за мной, хмуро сдвинув брови.

— Виктор, — мой голос был тихим, но он мгновенно заставил его замолчать. — Ты плохо слышишь? Свадьбы не будет. Денег ты не получишь. А если ты еще раз откроешь рот в сторону моей семьи, я попрошу Серегу объяснить тебе правила хорошего тона.

— Да ты... ты змея! — Виктор попятился, увидев кулаки моего отца. — Ты же сама просила этой свадьбы! Сама за мной бегала! Кому ты нужна будешь в этом городе? Твое место — в столовке, посуду мыть!

— Моё место там, где я решу, — отрезала я. — А твоё — рядом с «несчастной вдовой». Иди, Витя. Пока я добрая.

Калитка захлопнулась, отрезая прошлое.

Глава 3. Счёт на миллион

Порт Залива в девяносто шестом был государством в государстве. Здесь не работали законы страны, здесь работали законы связей, взяток и личной выгоды. Он пах мазутом, гнилой треской и той самой опасной свободой, которая кружит голову молодым и ломает жизни слабым.

В моей прошлой жизни я была здесь «своей» — незаметной Маринкой из портового управления, которая разносила бумажки и знала, сколько ложек сахара кладет в чай каждый диспетчер. Тогда это знание было моим проклятием — я тонула в чужих секретах, не умея ими пользоваться. Сегодня эти секреты стали моим оружием.

У здания администрации было шумно. Черный «Гранд Чероки» Андрея Корнева стоял прямо у крыльца, перегородив проезд. Сам Андрей, в пальто, которое выглядело слишком вызывающе на фоне ржавых кранов, о чем-то жестко говорил с Иваном Матвеевичем.

Я остановилась у парапета, делая вид, что жду кого-то. Ветер с залива доносил обрывки разговора.

— Семь дней на рейде?! — голос Корнева был холодным, но в нем уже звенела сталь. — Иван Матвеевич, вы понимаете, что такое неустойка? Мой корабль должен разгрузиться завтра.

— Андрей Владимирович, голубчик, ну посмотрите сами! — начальник порта картинно развел руками, указывая на Четвертый причал. — Турецкий сухогруз «Мехмет» встал намертво, у них проблемы с документами. Пока не уйдут, место не освободится.

Я посмотрела на «Мехмет». Старая посуда, которая даже издали выглядела как груда металлолома. Я знала, что через три дня в порту случится пожар, который спишут на халатность. Но сейчас мне нужно было подать это иначе.

Я подошла ближе, поправляя сумку.

— На вашем месте, Андрей Владимирович, я бы не ставил рядом с турками даже пустые поддоны, не то что ценный груз, — сказала я, останавливаясь в паре шагов.

Оба мужчины обернулись. Иван Матвеевич нахмурился, узнавая «свою» секретаршу. — Светлова? Ты чего тут бродишь? Рабочий день еще не начался.

Я проигнорировала его. Андрей смотрел на меня с интересом.

— Почему вы так считаете? — спросил он.

— Вы видели масляное пятно вокруг их борта? — я указала на радужную пленку на воде. — У них течет топливопровод. А еще я вчера слышала в столовой, как их боцман искал сварщика — хотят «подлатать» что-то в машинном отделении прямо на ходу. Сварка рядом с утечкой масла в такой ветер... Достаточно одной искры, чтобы ваш сухогруз превратился в факел вместе с Четвертым причалом.

Корнев прищурился. Пятно было реальным. И сварщики в порту — тоже. Моя логика была безупречна.

— Иван Матвеевич говорит, что других мест нет, — произнес Андрей, не сводя с меня глаз.

— Иван Матвеевич просто не хочет вспоминать про Второй причал, — я улыбнулась кончиками губ, глядя, как начальник порта начинает потеть. — Вчера ребята из дноуглубительной бригады хвастались, что закончили там работы раньше срока. Глубина теперь восемь метров. Но официально это проведут только в понедельник, чтобы списать лишнее топливо. Верно?

Тишина на причале стала оглушительной. Начальник порта выглядел так, будто у него случился микроинсульт.

— Я несу правду, которая экономит Андрею Владимировичу время, а вам — репутацию, — отрезала я. — Если завтра в порту случится пожар, а ваш «свободный» Второй причал всплывет в проверке... думаю, вам будет сложно объяснить это следователю.

Андрей медленно повернулся к Ивану Матвеевичу.

— Второй причал. Прямо сейчас, — коротко бросил он.

Он снова посмотрел на меня. На этот раз в его глазах был азарт. Он понял, что я не просто «девочка из офиса». Я была человеком, который владеет информацией.

— Марина, кажется? — Он сделал шаг вперед. — Завтра в десять. Кафе «Парус». Я хочу знать, что еще вы «слышали в столовой».

— Кофе должен быть очень хорошим, Андрей Владимирович, — ответила я, разворачиваясь.

Я уходила с причала. План сработал. Теперь я была игроком — и у этого игрока впереди была встреча с самым влиятельным человеком города.

Глава 4.

Кафе «Парус» в девяносто шестом было местом силы для тех, кто уже перерос пивные ларьки, но еще не заработал на собственный ресторан в Северске. Запах дешевого освежителя воздуха здесь безуспешно сражался с ароматом крепкого турецкого кофе и дорогого табака.

Я пришла ровно в десять. В прошлой жизни я бы прибежала на пятнадцать минут раньше, потея от страха и поправляя юбку. Сегодня я зашла в зал с тем спокойствием, которое дает только знание того, что ты — единственный человек в этой комнате, который видел финал этой пьесы.

Андрей Корнев уже сидел за угловым столиком у окна. Перед ним стояла крошечная чашка эспрессо и пепельница, полная окурков. Он выглядел так, будто не спал всю ночь.

— Вы пунктуальны, Марина, — он встал, отодвигая для меня стул. Жест был вежливым, но взгляд оставался изучающим, почти препарирующим.

— Время — единственный актив, который я не могу позволить себе тратить впустую, — я села, не дожидаясь приглашения. — Кофе?

— Уже заказал. — Он кивнул официантке. — Рассказывайте. Ваш «Мехмет» всё еще стоит на Четвертом, а мой сухогруз уже разгружается на Втором. Иван Матвеевич выглядел так, будто съел лимон целиком, когда подписывал документы.

— Это только начало его диеты, — я улыбнулась, принимая чашку кофе. Аромат был великолепным. — Иван Матвеевич слишком долго считал этот порт своим личным карманом. Пора напомнить ему, что он всего лишь наемный менеджер.

Андрей подался вперед. Его локти легли на стол, сокращая дистанцию. — Зачем вам это, Марина? Вы не похожи на профсоюзного лидера. И на обиженную женщину — тоже. Что вы хотите от этого порта?

— Я хочу построить здесь «Горизонт». Логистическое агентство, которое будет заниматься не только бумажками, но и реальной безопасностью грузов. Вы — мой первый крупный клиент. И единственный, кому я дала совет бесплатно.

В этот момент за окном, со стороны причалов, раздался глухой, тяжелый звук. Похожий на вздох великана, у которого лопнуло легкое. А через секунду небо над Четвертым причалом окрасилось в грязно-серый цвет.

Андрей медленно повернул голову к окну. Над «Мехметом» поднимался густой черный столб дыма. Где-то вдалеке завывали портовые сирены.

В кафе повисла тишина. Люди за соседними столиками повскакивали с мест, прижимаясь к стеклам. Андрей сидел неподвижно. Он смотрел на пожар, потом — на меня. В его глазах я увидела то, что искала. Шок, смешанный с восхищением.

— Искры в машинном отделении? — тихо спросил он.

— Сварка и масляное пятно, Андрей Владимирович. Математика — штука упрямая. — Я сделала глоток кофе, который теперь казался еще вкуснее. — Если бы ваш груз стоял рядом, вы бы сейчас подсчитывали убытки, а не пили кофе со мной.

Корнев медленно достал телефон. — Валера? Да, я вижу. Перекрой все доступы ко Второму терминалу. Мою охрану — в режим готовности. И найди мне Кравцова. Сейчас же.

Он убрал телефон и посмотрел на меня так, будто я была золотым слитком, который он случайно нашел в куче мусора.

— Вы спасли мне пару миллионов, Марина. И мою репутацию. Чашка кофе — это действительно слишком дешево.

— Я рада, что мы пришли к согласию по поводу цены, — я поставила чашку на блюдце. — Теперь поговорим о делах. Мне нужен офис в старом здании снабжения. И мне нужно,

чтобы мой брат, Сергей, был переведен из бригады грузчиков в отдел контроля терминала. Прямо сегодня.

Глава 5. Семейные узы

Сергея ждал меня у проходной. Он выглядел растерянным и напуганным. Порт гудел как растревоженный улей — пожар на Четвертом еще тушили, и слухи о «проклятом турке» разлетались быстрее, чем дым.

— Марин, ты видела?! Польшнуло так, что на Втором жарко было! — он схватил меня за плечи. — Пацаны говорят, там двоих завалило в машинном. Если бы мы там были...

— Но мы не там, Сереж, — я поправила его воротник. — И больше ты туда не вернешься. С сегодняшнего дня ты работаешь в отделе контроля. У Корнева.

— В смысле? У того северского богача? — Глаза брата округлились. — Марин, ты чего... ты с ним...

— Я с ним веду дела, — отрезала я. — И тебе советую начать вести себя как серьезному человеку. Ты умный, ты знаешь порт изнутри. Андрей Владимирович ищет надежных людей. Не подведи меня.

В этот момент к проходной подкатила знакомая белая «девятка». Виктор. Он выскочил из машины, размахивая какой-то бумажкой. Вид у него был безумный.

— Светлова! — заорал он, подлетая к нам. — Ты что натворила?! Иван Матвеевич меня уволил! Сказал, что из-за «твоих фокусов» у него проверка из управления! Ты мне жизнь ломаешь, дрянь!

Сергея шагнул вперед, закрывая меня собой, но я мягко отодвинула его рукой. Взгляд упал на Виктора. Раньше этот человек мог довести меня до слез одним словом. Сейчас он вызывал у меня только брезгливое любопытство — как насекомое под микроскопом.

— Жизнь ты ломаешь себе сам, Виктор, — сказала я спокойно. — Своей ленью и привычкой жить за чужой счет. Иван Матвеевич просто чистит ряды перед большой бурей. И тебе в его новой схеме места нет.

— Да ты... ты подстилка северская! — взвизгнул он, замахиваясь.

Но ударить не успел. Стальная хватка перехватила его запястье. Андрей Корнев возник из ниоткуда, как тень. Его лицо не выражало ничего, кроме холодного презрения.

— Еще один звук в сторону этой женщины, Виктор, — голос Андрея был тихим, но от него по спине Сереги пробежал мороз, — и ты будешь искать работу не в этом порту. И даже не в этом городе. В лучшем случае — на лесоповале в Сибири. Понял меня?

Виктор побледнел. Его самоуверенность осыпалась как старая штукатурка. Он что-то промямлил, вырвал руку и почти бегом бросился к своей машине.

Андрей обернулся ко мне. В его взгляде больше не было того льда, что в кафе.

— Ты в порядке? — спросил он, и в этом вопросе было больше заботы, чем во всех тридцати годах моего «сна».

— В полном, — я улыбнулась. — И у меня есть просьба.

— Снова просьба, Светлова? — Он усмехнулся, но руку с моего плеча не убрал.

— Мой офис должен быть выкрашен в белый цвет. Ненавижу серый. И мне нужна вывеска «Горизонт». Большая. Чтобы её было видно с Четвертого причала.

— Будет тебе вывеска, — Андрей притянул меня чуть ближе. — А теперь поехали. Кравцов ждет. Кажется, твой совет по поводу фундамента на северном склоне тоже оказался чертовски точным. Откуда ты это знала?

— Я просто внимательно смотрю на фундамент, Андрей Владимирович, — ответила я, садясь в машину. — Пока все остальные смотрят на фасад.

Глава 6. Пыль и стратегия

Ключ в замке повернулся со скрежетом, будто я вскрывала не бывшую контору снабжения, а сундук мертвеца. В нос ударил густой запах пыли, старых отчетов и мышиного помета. Девяностые пахли именно так — запустением, которое ждало своего мародера.

Я распахнула окно. Тяжелая рама поддалась не сразу, осыпая мои волосы облупившейся краской. Залив тут же ворвался внутрь шумом прибоя и криками чаек. Я посмотрела на свои руки: под ногтями уже чернела грязь. В той жизни я бы расплакалась от этой разрухи. В этой — я видела только квадратные метры, которые скоро начнут приносить прибыль.

— Кому нужны твои горы, Марин? — Серега с грохотом опустил ящик с инструментами на пол, подняв облако вековой пыли. — В порту сейчас спирт цистернами разгружают. Одна ночь — и можно год не работать. А ты собралась на скалы смотреть?

Я медленно отложила карандаш и посмотрела на брата. В моем взгляде было слишком много прожитых лет.

— Спирт в цистернах, Сереж, — это быстрый способ оказаться в канаве с дыркой в затылке. Это бизнес для однодневок. Бабки — это пыль, если за ними не стоит сила. Кравцов уже сменил марку бетона на северном склоне?

Серега замер, так и не донеся молоток до гвоздя. — Сменил. Утром примчался, злой как черт, велел всё переделывать. Сказал, что если фундамент поплывет, он нас в этом бетоне и похоронит. Откуда ты узнала про трещины, Марин? Геологи полгода молчали.

— Геологи смотрят в бумаги, а я смотрю на результат. Мои «горы» — это не про туризм, Сереж. Это про контроль над территорией, через которую скоро пойдут все северские караваны. Кравцов это уже понял. Корнев — тем более. Если хочешь всю жизнь дрожать под дулом обреза за канистру спирта — иди в порт. Если хочешь, чтобы тебя уважали те, кто этим спиртом владеет — оставайся в «Горизонте».

Брат молчал долго, переваривая услышанное. Он наконец кивнул и с удвоенной силой принялся заколачивать гвозди в полку.

Шум ремонта быстро привлек зрителей. Под окном, на старой лавке, материализовались три «кумушки» из соседнего дома — вечный хор Залива. Они не скрывали голосов.

— Гляди, Петровы, Маринка-то совсем с катушек слетела! — громко проскрипела тетя Галя. — Витьку-то, героя нашего, бросила, а теперь в портовую грязь полезла. Срам! Приползет она к Ниночке прощения просить, да поздно будет!

Я молча подошла к ведру с мутной водой, в которой только что прополоскала тряпку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.